

УДК 9с

DOI: 10.15393/j14.art.2017.94

Чернякова Ирина Александровна*

Воронина Полина Сергеевна**

*Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений,
руководитель исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии,
доцент российской истории в университете Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
кандидат исторических наук

** Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук
Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии;
волонтер-исследователь,
магистр по направлению подготовки 46.04.10 (История)

Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова (часть I)

Аннотация: Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова публикуются с сохранением всех особенностей языка автора и передачи его форм на письме. Мы полагаем, что данный текст является уникальным благодаря индивидуальности, в высшей степени присущей его автору, и что более всего своей аутентичностью текст заинтересует не только исследователей-лингвистов, но и, возможно, социальных психологов. К тому же сам автор воспоминаний не однажды подчеркивает, что специально старался сохранить и передать специфику коллективной ментальности деревенского сообщества, в котором родился и вырос, неукоснительно фиксируя все особенности речевого строя окружавших его людей: родных и соседей, а также обитателей окрестных деревень.

Подчеркнуто бережного отношения заслуживает передача текста автора воспоминаний ещё и потому, что он является прямым потомком того самого «слепого старика-крестьянина», от которого А. Ф. Гильфердинг записывал былины летом 1871 г. Свидетельствует об этом восторженная цитата из публикации знаменитого собирателя: «... я упросил его сказать свои старины, и старик Иев Еремеев запел превосходную былинку про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Цирцеи, Маринки». Опираясь на комментарий к приведённой цитате на сайте Генеалогического Общества Карелии, в котором Татьяна Панюкова, правнучатая двоюродная племянница Г. Н. Акатова, сообщает, что приходится пра-пра-правнучкой упомянутого сказителя, полагаем, что её пра-пра-прадед и герой множества колоритных эпизодов в изложении автора мемуаров — его дед Иев Еремеевич Акатов — один и тот же человек. (см.: https://vk.com/photo-44741316_290992618).

Ключевые слова: Г. Н. Акатов; воспоминания; Кокорин-остров; Мелой-губа; Кондопога, Петрозаводск; Санкт-Петербург; ремесленное ученичество

Вид на Кокорин-остров из дер. Мелой-губа

Предисловие

Автор воспоминаний — Георгий Никифорович Акатов (1898—1965) — родился в большой крестьянской семье Никифора Акатова, который был сыном представленного выше в аннотации Иева Еремеева и Иулитты Кириллиной. Всего у его отца и матери — Марии Ивановой из Повенецкого уезда, которые поженились, как сообщает мемуарист, когда жениху было 25, а невесте всего 16, родилось четырнадцать детей. Однако, как он сам пишет: «в жизнь пошло нас пять братьев и три сестры, остальные умерли» [с. 92]. Георгий Никифорович был седьмым ребёнком и четвёртым сыном.

Детство его прошло в деревне Кокорин-остров, которая входила в церковный Спасский Мелойгубский приход, административно будучи в составе Викшезерского сельского общества Кондопожской волости Петрозаводского уезда. Поселение накануне первой русской революции состояло из 17 дворохозяйств, обитатели 16 из которых занимались крестьянским трудом. Всего в деревне в 1905 г., согласно Списку населенных мест [1], проживало 130 человек, включая учительницу, о которой, возможно, как раз и пишет автор воспоминаний, до конца жизни помня её по имени и сетуя при этом, что так и не знает «ни знаков препинания, ни запятых»: «учила нас учительница лет 30, старая дева, Елена Николаевна...» [с. 88]. Деревня была вполне зажиточной: держали 20 лошадей и 65 коров, не считая овец и всякой другой мелкой живности, а также домашней птицы. О том, как развивалось поселение, начиная с XVI века и вплоть до середины XX столетия, можно найти сведения в виде выписок-цитат из документов и публикаций, кропотливо собранных Татьяной Панюковой и размещенных в интернете [6].

Нельзя не отметить великолепную память автора, который начал вести записи за две недели до наступления 1962 г., уже на излёте своей многотрудной и достойной жизни. О его профессиональной карьере и занимаемых должностях можно найти свидетельства на интернет-сайте, недавно объединившем всех родственников многочисленного клана Акатовых [4].

Рукопись, представляющая собой две «амбарные» книги, только одна из которых полностью заполнена убористым почерком, донесла до потомков и заинтересованных читателей фантастически подробные зарисовки, чуть не кинематографического уровня воздействия, из сельской жизни в деревне при Онежском озере, находившейся более, чем в 100 километрах от уездного города Петрозаводска. Жизнь эта, предстающая в бесчисленных отдельных эпизодах, полна незатейливой поэзии, несмотря на то, что в основном автор пишет о характерах более, чем самобытных, во всем спектре проявлений человеческих и силы, и слабости, и воли, и хитрости. Преобладала, конечно, хозяйственная расчётливость, однако, и безалаберности было не занимать. Любопытно отметить, что никакого морализаторства в записях нет. Автор не позволяет себе оценочных суждений. Бесстрастно или сочувственно, иногда с лёгким юмором повествует он о присущем многим его героям стремлении не упустить ничего, чем можно воспользоваться, готовности к весьма грубым шуткам и авантурным розыгрышам, имевших место предательстве и даже братоубийстве.

Воспоминания охватывают период с рубежа XIX и XX столетий до весны 1918 г. Можно думать, автор собирался продолжить записи, но состояние здоровья не позволило это сделать.

Самые ранние эпизоды, сохранённые собственной памятью Георгия Никифоровича, датированы его шестилетним возрастом. Всё, что было ранее, он излагает, опираясь на сведения, полученные в разговорах с родственниками и односельчанами. Судя по всему, Георгий Никифорович был от природы человеком одарённым и талантливым, так как ему удалось с невероятной степенью убедительности рассказать не только о фактах и событиях, свидетелем и участником которых он был, но передать многомерный социальный колорит сельской, насквозь пропитанной личными, родственными, общественными связями, жизни. В эту жизнь дети были включены с малолетства как её вполне самостоятельные участники. Создаётся впечатление, что деревенские мальчишки были предоставлены в основном сами себе, их никто не только не опекал, но, кажется, и не контролировал. Даже безопасность была их собственной заботой. Так, они могли по несколько дней вообще не появляться дома, так как построили сами подобие избушки где-то за деревней, где и жили «дня по три-четыре». «Ну, не больно о нас и беспокоились, — замечает вскользь автор, — нет ребят дома, ну, и слава богу, хоть не шалят, лишнего шума нету» [с.85].

Отдельной ценностью обладает та часть воспоминаний, в которой Георгий Никифорович рассказывает о своём пребывании в ученичестве в Санкт-Петербурге. Убедительным доводом в пользу скорейшей подготовки к запланированному изданию ещё двух частей рукописи, является выполненное в рамках проектной деятельности ИЛЛМИК (Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии [5]) исследование П. С. Ворониной [2]. Эта работа, получившая диплом лауреата Всероссийского конкурса «Лучшая молодежная научная статья — 2016» основана как раз на детальных и во многом неожиданных свидетельствах автора публикуемых воспоминаний о том, как в действительности жилось тем самым мальчишкам, которых ещё до достижения подросткового возраста слишком часто увозили из родных домов в карельских деревнях в большой город. Там, «в чужих людях» на самом деле и произошло взросление и становление личности нашего автора. Думается, что ещё не одно исследование на тот или иной сюжет социально-демографической истории могут в хорошем смысле спровоцировать сообщаемые Георгием Никифоровичем сведения.

Воспоминания обрываются в биографическом отношении в марте 1918 г., когда, успев получить расчёт и хорошее вознаграждение за служение в мальчишках в обувном магазине у петербургского купца Н. Д. Горохова, пройдя курс молодого бойца и послужив в артиллерий-

ских войсках по призыву начала 1917 г., приняв некоторое участие, правда, пассивное, в революционных событиях в Петрограде, попытавшись устроиться матросом на торговое судно в Архангельске, побывав затем в Вологде, в Череповце, снова в Петрограде, и так и не найдя подходящих условий для работы, Георгий Никифорович вернётся в родную деревню. Однако меньше всего рукопись сосредоточена на нём самом. На самом деле это целая энциклопедия народной жизни, акцентированная на судьбах и характерах обитателей удивительных по красоте природы мест — семейного клана Акатовых — испокон века проживавших в Кокорином Острове и в Мелой Губе.

Дом в Кокорино в 1960-е гг

1.

15 Декабр. 1961г.

Эту книгу посвящаю
Внукам и правнукам и тем
кто заинтересуется прочесть
биографию моей жизни, нашей
породовой и моей родины.
Я описываю коймарское прохо-
ждение до моей жизни со слов
рассказов своего отца и
многих соотеч с коймарами я
специально проводил разговор
о нашей местности, быте
жизни людей, порядках и обычаях.
Академии я не кончал. Не то было
время. а всего окончил Кокоринскую
приходскую школу 3 класса с 1904-95
906-907 - 907-908. В мае 1907г.
получил по окончании школы
Похвальный лист. и свидетельство
поэтому я пошел в школу в Пет
Ютоному Гийо Брат Александр
сидящий меня на 2 года пошел в
школу а я сказал отцу я не
останусь от него. и тоже
пошел в школу Угланное Учитель-
ница Лей 30 старая дева Впена
Николаевна (срамили назваю)
жила она с матерью при школе
в школе и жизни я опису,
Вот. поэтому я незнаю ни
знаков приписанных ни зототид.

Эту книгу посвящаю внукам и правнукам, и тем, кто заинтересуется
прочитать биографию моей жизни, нашей породовой и моей родины.

15 декабря 1961 г.

/1/ Эту книгу посвящаю внукам и правнукам, и тем, кто заинтересуется прочитать биографию моей жизни, нашей породовой¹ и моей родины.

Я описываю [время] которое происходило до моей жизни, со слов и рассказов своего отца и многих соседей, с которыми я специально проводил разговор о нашей местности, быте, житье людей, порядках и обычаях.

Академий я не кончал. Не то было время. А всего окончил Кокоринскую приходскую школу: три класса с 1904—1905, 1906—1907, 1907—1908 [гг.]² в мае 1907 г. получил по окончании школы похвальный лист и свидетельство.

Почему я пошел в школу шести лет? Потому что брат Александр — старше меня на два года — пошел в школу, а я сказал отцу, я не останусь от него, и тоже пошел в школу. Учила нас учительница лет 30, старая дева, Елена Николаевна (фамилии не знаю)³. Жила она с матерью при школе. О школе и жизни и опишу. Вот поэтому я не знаю ни знаков припинания, ни запятых.

/2/ Уроженец я Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кондопожской волости Викшезерского общества Спаского прихода (церковный приход) деревни Кокорин-остров.

С давних времен, времен Петра Первого наша Олонецкая губерния начала более менее заселяться из России беглыми крепосными, бежавших от гнёта бояр и помещиков, и обыкновенно селившихся вокруг озер и рек, которых здесь множество.

До поселения русских бежавших мужиков на Кокоринском острове жили когда-то племя лопарей, которые с приходом русских мужиков уходили всё дальше на север. О[т]⁴ жизни лопарей и в настоящее время сохранились провалившиеся ямы — бывшие их жилища. Две большие ямы — одна около бывшей школы на кряжу у Лажнаволока и вторая, круглая, на западном берегу острова — были, по всей вероятности, богатых жителей. Они в настоящее время имеют в диаметре по верху ямы до 12 метров и глубиной до четырех⁵ метров.

¹ Здесь и далее особенности рукописного текста: слова и выражения, вышедшие из употребления, а также отражающие местный диалект, бытовую терминологию, так же как характерные нюансы письменного языка автора — передаются в точном соответствии с оригиналом.

² Здесь и далее обозначения лет передаются в точном соответствии с рукописью, в том числе сохранены слова год (годы, годов). При их отсутствии восполнено в квадратных скобках в сокращенном виде: г. (гг.).

³ Здесь и далее пояснения автора, заключенные им в круглые скобки, сохранены в полном соответствии с оригиналом.

⁴ Здесь и далее пропущенные в рукописи буквы в конце слов восполнены в квадратных скобках.

⁵ Здесь и далее числительные до десяти передаются словами.

Кокорино

Маленькие провалившиеся ямы были расположены по восточному берегу озера и на среди острова, /3/ по так называемой Мостовской дороге, и на северной оконечности острова, так ныне называемой местности «под лопарями»¹. О том, что в этих ямах жили когда-то люди, в нескольких ямах в 1908—1910 г[г]. производили небольшие раскопки — в то время учитель Бронзов И. И., который учил детей в Кокоринской церковно-приходской школе — и находили кое-какие черепки из домашней утвари. Все эти изделия были из камня.

В настоящее время остров этот очень красив — сосновый бор, белый мох, крутые песчаные кряжи с западной стороны с большими отмелями, по которым растет тростник «треста». Северный берег острова, отделяющий остров от материка, был разделен проходившей вокруг речкой и густыми зарослями трав и тростников так, что остров соединен двумя мостами. Длина острова три километра, самое широкое его место в северной своей части — один километр², а южный конец — так называемый Ор-наволок — выходит на нет, и на конце его стоит древняя развилистая сосна, которая служила рыбакам отметкой для отыскания подводных лудьев — «луды». (Луда — каменистое дно под водой, где обычно скопляется масса окуня в нарост.)

/4/ Почему данный остров получил название Кокорин-остров. Во времена царствования царя Петра Первого в 1712—15 годах тут у берегов острова, в Коткушке, проводилась стройка ботов и галер. Где в настоящее время находится деревня место было довольно низкое, и в этом месте росли вековые ёлки. И на восточном берегу было небольшое болото, которое сохранилось и по сие время. Вот эти-то ёлки и выкапывали с корнем при постройках галер, как строительный материал — кокоры. Ель выкапывалась с самым большим корнем, корень отрубался по мере надобности, и после чего отрубался ствол дерева какой нужен. Из этих кокор строился каркас судна, после чего обшивался досками.

В мою бытность в 1905—10 годах еще было несколько ёлок на засележье: на западном побережье острова в центре, где в настоящее время стоит деревня.

Наша родословная

Мой отец рождения 1860 г. — Никифор Иевлевич³, дедушка мой — Иев Еремеевич — умер [в]⁴ 1870 г. на 79-м году жизни, значит, он рождения 1791 г., прадед — Еремей Акатович — умер [в] 1821 г. на 85 году жизни, значит, он рождения 1736 года. Дальше породовой не знал отец. От отчества прадеда, видимо, /5/ пошла и фамилия наша — Акатовы. Сдесь многим даны фамилии по отчеству дедов, и так за ними закрепились.

О прадедушке Ереме я ничего не знаю. Только знаю его семью, и то только сыновей. Их было двое — женат он был, видимо, старым, после 25 лет военной службы — Иев Еремеевич и Са-

¹ Здесь и далее текст передаётся так, как в рукописи: заключено в кавычки автором.

² Здесь и далее сокращение км раскрыто при подготовке публикации; также раскрыты: кг (кгр), см, мм (м/м).

³ Здесь и далее личные имена, отчества и фамилии передаются в точном соответствии с оригиналом.

⁴ Здесь и далее недостающие предлоги восполнены в квадратных скобках.

велей Еремеевичь. Дед Иев в детстве заболел оспой — тогда свирепствовал[а] черная оспа — и ослеп в возрасте шести лет. Брат его Савелей был старше, у него было два сына: Андрей Савельев и Александр Савельев, откуда потом пошел род: Иван Андреев, Егор Андреев и Яков Андреев. У Александра Савельева был сын Илья Александров.

Дед Иев, хотя был слепой, но работать умел всё, видимо, он очень немного, но как утверждал отец, он в солнечные дни немного видел. Он вязал сетки, ездил на рыбную ловлю, конечно, с людьми, не один, тянул невод, керевод и сети, умел различать сорт рыбы по названию. Когда ему исполнилось 26 лет, его женили, видимо, в 1847 г., в деревне Матгуба. Ну, а так как он был слепой, то ясно кто мог пойти замуж за слепого. Ну, там, как говорят, на худой товар есть слепой покупатель.

Акатовы: Александр Никифорович с семьей

/6/ Привожу несколько¹ случаев, рассказанных мне отцом. Однажды они трое были ловить кереводом за Онегом. Им встретились рыбаки деревни² Матгубы и говорят, проезжая мимо их: «Вы там будете ловить около Малиновца, то не вытасщите кереводом наши сетки!» Да так было строго сказано, что в случае чего мы вас поколотим. Дед знал, что в носу лодки лежало заряженное шомпольное ружьё, длинноствольное с утолщением[м] на выходном конце, почему-то называлось пищаль системы «крынка». Он схватил с носа ружьё, приставил стволом к себе в грудь, а ложей на перед и крикнул: «Замо[л]чите³, а не то, ляди, как я вас стрилю». (Я впредь буду писать с таким выражением как вообще говорили жители в нашей местности.)

У деда было три сына — Михаил, Никифор и Павел. Михаил был женат на Мехеевой Сольге⁴, на сестре в то время мелкого купца Пав[ла] Васильев[ича] Захарова, но вскоре после женитьбы помер от крупозного воспаления легких. Осталась одна дочь — Анна Михайловна, которая в последствии вышла замуж за приказчика, служившего тогда у дяди её, Захарова П. В. — за Фадеева Ив[ана] Ильича, уроженца деревни Карас-озеро, 20 километров от Кокорина.

/7/ Отец мой женился в возрасте 25 лет в 1885 г. В деревне, вернее, на хуторе недалеко от деревни Куричины в Шунье. На Мягрозере в конце озера стоял один дом — Буркова Ивана. Дед Бурков был женат на второй, как там звали — у Цернорициных — поэтому мать моя была падчерица и её 16 лет выдали за моего отца, желая поскорей освободиться. Мать была работающая и довольно приглядная на лицо.

Вернусь о некоторых воспоминаниях про деда Иева. Дед был, как и все слепые, способен на все работы. И вот в одно время у него с соседом из деревни Мелой-губа была сделана небольшая (сойма) — шхуна грузоподъемностью пудов на 700, парусная.

Эти соймы обычно строились палубные, с двумя мачтами и тремя парусами. Они обыкновенно возили извоз, то есть, в город Петрозаводск везут уголь древесный, от смолокурок

¹ Так в рукописи.

² В рукописи: дер.

³ Здесь и далее пропущенные в середине слов буквы, необходимые для правильного понимания смысла, восполнены в квадратных скобках.

⁴ Так в рукописи.

смолу, деготь, рыбу, плетеные из береста корзины, кошеле (заплечный кошелек из береста), лубянки, кадушки (лубянки из береста), (кадушки, выдолбленные из ольхи), ушаты, ведра, бочки — все то, что делали в деревне. А оттуда везли чаще всего продукты: соль, мука, крупа, реже всего мануфактуру. (Так как мануфактуру — точно — ткали сами.)

/8/ Партнером, как называли складником его, был (Сидорков), в последствии его фамилия тоже стала Акатов. по его имени ныне живущие в Мелой-губе Акатовы — С. Ф. Акатов, В. Ф. Акатов, Яков Федоров¹ Акатов. Их отец был Федор Акатович и брат его — Иван Акатович.

Вот с Акатом Фомичем он и ездил на сойме то в Петрозаводск, то к Вознесенью. (Вознесенье — портовый поселок в устье реки Свири в южном конце Онежского озера, куда из Рыбинска баржами приходил хлеб и все продукты питания: из Рыбинска через Мариинскую систему каналов с Волги.) у Аката был один глаз, а у деда ни одного, то есть на двоих моряков — один глаз.

И вот летом, чувствуя, что ветер с запада или востока повернулся на северный, дед приходит к нему, говорит: «Ну, сусёд, ехать надо поветерь». А застал его, когда тот сидел и ел ловку из репы. (Ловка — репа, сваренная с крупой, распаренная в русской печи.) Когда дед повторил: «Надо ехать поветерь», то Акат говорит: «Дай волю, озубок доем» — «Ты клай озубок в пазуху». Акат отвечает: «Да озубок в пазуху не войдет». (Ниче себе был озубок — килограмма, наверно, два-три).

/9/ Бабушка Улита Кириловна была довольно сварливая. И чтоб поддерживать жизнь, где-то как-то надо заработать копейку. Она умудрялась немного шинкарь. В то время вино продавалось в большинстве случаев разливное в бочках, боченках емкостью до 100 литров. Тогда мерой была бочка пять ведер, семь и десять ведер. Она продавала тайком: три копейки плица. Плица — это была глиняная чашечка плоская, диаметром в три сантиметра, емкостью 60 грам. Посетителей — таких постоянных, которые к ней заходили — в трёх деревнях было много. Придут, бывало, два приятеля «Птюх и Аттель» — так было дано прозвище двум старикам «Ильюшкиным» — Ильиным. Разговор ведется так: «Типеньку, родная, не дай душе уйти на тот свет без покаяния, дай по плицке в займы».

Однажды кто-то донёс уряднику, который приехал в деревню по сбору податей, что бабка Улита спаивает мужиков за деньги и в долг. Урядник составил протокол и оштрафовал бабку на один рубль. И когда получил штраф, то со злорадством говорит: «Каково, бабка, будешь еще торговать вином»? Тогда она не пошла в карман за словом: «Да уж ладно, убыток-то ворочу, а потом посмотрю». (Убыток — она считала — это уплоченный рубль штрафа).

/10/ Были случаи, когда дед, придя с работы, а бабка сидит у стола и вот ворчит, калит всех, и в том числе и деда, за дело или просто по привычке. И вот дед садится на лавку, в дали от её метра на два — что если он пойдет прямо к ней, то она убежит — а когда она, зайдя в «жар», не замечает, что дед все время потихоньку движется к ней. И вот чувствует, что уже руки хватят до бабки, тяпнет её за волосы и ну волочить её. Но это продолжалось не долго, она быстро умела вырваться от деда.

Однажды к Акату Фомичу пришел сосед из соседней деревни Мягрозера. Поздоровавшись с ним, с удивлением спрашивает его: «Окат Фомиць, а Окат Фомиць! Ты ли лони умер али брат твой?» (Лони — значит — прошлый год.)

У отца — после того как он женился в 1884 г.² — регулярно через два года стал[и] рождаются дети. Первый был брат Иван 1885 г. рождения; 87 г. — Михаил, 89 — Анна, 91-го — Егор, 93 —

¹ В рукописи: Фед.

² Сравни выше — годом женитьбы назван 1885.

Парасковья, 96 — Александр, 98 год — я, 1900 — Елизавета, 903-го — Федор, 905 — Мария, 906 — Григорий, 908 — Семен. И в промежутках были рождены двое, которые сразу умерли. А бабка с Матгубы ему говорила, когда он пожалуется, что /11/ большая семья у него, то она скажет ему: «Хорёшо, Никифорюшко, детушки, у бога сказано: «блажен муж, ибо наследит землю»».

В жизнь пошло нас пять братьев и три сестры, остальные умерли. Правда, один — Егор — жил до 19 лет, потом помер.

У дяди Павла было всего детей трое. Он женат был в Кокорином у Кирикова. Олёна Харламовна, моя кресная мать, щеката была бабка — чистый яд. Но в деревне они жили не долго. После пожара в 1900 г. он служил в Петрозаводске у Захарова приказчиком, там купил себе домик на углу Садовой и Слободской, при доме открыл торговлю бакалейными товарами и продовольствием, и торговал до самой революции 1915 г.¹ Вернее, он все забросил в 1915 г., когда шла война с Германией 1914—1917 г[г].

Андрей был инвалид. Он в детстве в деревне взял топор, в поле против Мелой-губы стал рубить маленькую сосну, и топором разрубил себе чашечку в колене левой ноги. Домик их и посичас стоит, в нём живет доч[ь] Андрея Екатерина с двумя сыновьями. Этот домик недалеко от старой хирургической больницы, ныне улица Кирова. Дядя Павел и его старушка Олёна Харламовна обои любили выпить, и старались выпить так, чтоб скрыть один от другого, что он выпил. Она его ругала так: «Ой, здохни-то, Улитов-Кирилов». (Это по матери его — бабушки нашей.)

/12/ Сын их Петр Павлович был ровесник с братом Михаилом призыва 1910 г. В детстве приехал в деревню Кокорино с отцом и матерью, ему было годов пять. Видит, что Мишка ходит без штанов в одной длинной точивной рубахе, он и спрашивает его: «Мишка, а што же ты штанов не носишь?» Мишка говорит, что у меня их нету. Тогда Петр ему говорит: «А куда же ты (сереш), я дак всё в штаны».

В молодости Петр учился в семинарии, видимо, готовили в попы, но с 15 лет он стал пить вино, хулиганить, [в] городе ни одной драки и поножовщины без его не проходило. Если резал он ребят (конечно, не до смерти), но и сам был до того порезан: не только на теле, и на лице не было места, где бы не было рубцов от заживших ран. Словом, с симинарии его выгнали, после чего он так и болтался на иждивении отца и матери. Мать его очень жалела и любила. В 1915 году он был взят на войну, служил вместе с братом Михаилом в лейб-гвардии Финляндском полку и погиб в Польше: в бою на отходе под Сохачевым, а у брата Михаила оторвало левую руку.

Однажды он рассказал в письме домой: «вот как-то весной я сня[л] гимнастерку и рубаху, бросил на снег, стал искать и убивать вшей, пока убивал /13/ в гимнастерке, смотрю, а рубахи-то на снегу нету — это потому, что вшам то стало холодно на снегу и они, чувствуя, что близко горит костер, они туда и пошли — ну, ясно, и рубах[а] пошла за ними, вернее, рубаху они понесли на себе». Так вот сколько их было за время пребывания в окопах в течении полугода.

Теперь расскажу о стариках того времени кое-что. В деревне Мягрозеро был один мужик, Затынцовский такой. Вот однажды зимой он поехал на свадьбу в деревню Пурдяга. Ну, и, конечно, там до того напился, что, как говорят, сдоровался с ножкой стола. по окончании вечерней гулянки его кое-как уложили в кресла и отправили домой: расстояние каких-то

¹ В рукописи исправлено, первоначально было: 1917 г.

пять километров. А лошаденка старая и дорогу хорошо знает. Ну, ясно, что он сразу заснул. Ну, а лошадка пришла к дому, зашла под навес у хлебов и жует себе сено. А хозяин в креслах.

А когда уже рассветало, старушка-жена пошла к коровам. Выходит, видит: старик спит в креслах, и пальцы рук побелели — отморожены. Вызвав соседей, втащили старика в избу и когда, видимо, он стал понемногу отогреться, /14/ у него от сильной тоски и ноющей боли, он не мог прийти в себя, очень бился, стонал, а потом перестал и бится, и замедлилось сердцебиение. Словом, в деревне решили, что старик записся и умер. по деревенскому обычаю его уложили в большом углу на лавку, подослав предварительно соломы, и накрыли белым точивом. После чего был сшит саван, и одели на него, как на всех покойников, саван. Гроб еще делали соседи. Раньше в деревне не надо было вызывать милицию да врачей — умер — ну, пусть умер, хороните.

По обычаю, у покойника ночью соберутся две-три старухи и вот сидят по очереди, а чтоб не уснуть пьют чай. И вот под утро, через сутки как он уже дома, тут-то произошло неожиданное: покойник зашевелился. Старухи закрестились[ь], начали пятиться к дверям. Наконец, покойник встал, сел, и когда вообще пришел в себя, встал и давай ходить по избе, трести отмороженными пальцами от боли, с пальцев уже текло.

Тут сполошилась вся деревня. Из дому убежали все: только в свитце горит лучина и ходит со стоном покойник. Но все же нашлись мужики по смелее и несколько человек вошли избу, и давай /15/ с ним заговаривать. Он, конечно, мужиков узнал и говорит как-будто от толку. «Ну, што, Иван Федоров, ты веть был на том свете, рассказал бы, как там живут-то». Ну, ясно, что у него еще ужасные боли, да и хмель еще не прошел. Так он ходит по избе, трясет пальцами и говорит: «А што там, на том свете, один хер, одно¹ пьяньсво, святые в обнимку ходят». Ну, а после чего ему все пальцы в больн[и]цы отрезали, остались одне култышки, после чего ему было дано прозвище Кулатов. Последнее время был пастухом, курил трубку, искусно чиркал спичку, а вино так и продолжал пить до конца своей жизни.

Кстати, кое-что о тех же деревнях. Однажды мужик из деревни Черкасы входит зимой в избу к соседу, а в избе дерутся петухи. Он открыл дверь и попятился. А с ним шла еще в избу женщина. Он ей и говорит: «Пойдем-ка вон, соседка, в свидетелях-то не быть хоть бы нам чего доброго».

Теперь расскажу, как один фельдфебель Керосирского полка Иван Акатович Акатов из Мелой-губы женился. Он был взят на военную службу на 25 лет, служил в Севостополе в Керосирском его величества полку.

/16/ Приблизительно в 70-х годах прошлого столетия — XIX² века — служил в Керосирском полку И. А. Акатов. Что замечательно, что у керосиров была красивая форма одежды. Обыкновенно летом они были одеты [в] мундир зеленого цвета, в обтяжку рейтузы, белые сапоги с козырьком, хромовые, начищены до блеска, что можно было их использовать вместо зеркала. Выше колена подымался козырек сапога. И на них были кокарды с орлом. На голове чуть держалас[ь] на боку черная металлическая блестящая шапочка с огромным во весь лоб двух главым орлом, которого отделял маленький козырек. Из центра шапки подымался штырек сантиметров³ пять, и на штырьке плоская четырехугольная площадка. Все это лакировано. Шапка эта носилась на бок, так что казалось, она еле держится на голове. Через плечо к поя[с]ному ремню по мундиру шли аксельбанты плетеные серебристые, и такой же

¹ В рукописи: ондо.

² В рукописи: IXX.

³ Так в рукописи.

плетеный серебристый ремень с пряжкой двух главого орла. К ремню пристегивалась шашка кривая в белой металлической ножне, и шашка эта волочилась по полу на белом металлическом колесике. Шпоры широкие, с большими колёсиками, звонкие. А зимой одевали ко всему этому — так называли — николаевскую шинель с бобровым высоким /17/ воротником. А из-под воротника вокруг выходила перелина, которая прикрывала вокруг всю грудь и рукава. Погоны с вензелями, золоченые, с именем царя, были укреплены сверх перелины. Эти шинели делались с лучшего тонкого серого сукна, на четверть выше шпор с прорезом сзади до сидения, чтоб удобно было сидеть на лошади.

Мужик он был поворотливый, бравый, немного выше среднего роста. Но лицо было немно[го] с шадринкой. (От оспы.) Но, конечно, после службы и строевой муштры в нем еще больше развилось четкость речи, требовательность ко всем и подтянулось к себе. Всегда он выглядел бравым.

Прослужив восемь лет, он получил отпуск на родину: 30 суток прожить дома, не считая дороги на лошадях и поездах из Севастополя. Приехав домой, он своим видом ошоломил всю округу. Раньше тут редко видывали и солдата, а тут явился как губернатор. Из окресных деревень даже приезжали на него посмотреть, только, конечно, тайком, ис-за угла.

Жили они тогда в деревне довольно исправно. И вот свои родные стали его уговаривать, чтоб он женился. Солдатам не разрешалось брать с собой жен, а в чине фельдфебеля можно было взять и жену с собой.

/18/ Стали родные хвалить ему девушку из деревни Селецкое, что в 30-ти верстах от Мелой-губы. Что ж, он дал согласие, но надо невесту поглядеть. И вот уехали в Селецкое с вечера на смотрины, как называют, человек пять из своих, и в том числе и бабушка Акимовна. Ныне она по жене мне приходилась бабушкой, а ему, жениху, она кресна мать. Как бы тайно не приехал в деревню, всё равно деревня вся подыметесь как приедут сватова. Невеста ему понравилась — стройная молодая Алёна. Жили они тоже по деревне довольно зажиточно.

Договорились, что сватство и свадьбу сделают на предпоследней неделе Заговенской, так как жениху надо было поехать в Петрозаводск к воинскому начальнику за разрешением на женитьбу и продлением отпуска в связи с женитьбой. А в Петрозаводск надо ехать на лошади. Да кстати воинского начальника не случилось дома. Он был в Лодейном-поле по служебным делам. Но в деревне Селецком ждат-пождать — жених-то не едет, а время свадебное. Да еще, когда подходящая девушка, то ей есть и женихов. И её сватало уже три жениха, но всем пока отказывали, ждали его. И вот в последние дни /19/ венчания перед Масленой неделей в пятницу был обычно последний венец.

Подъехал еще жених с Ламбас-ручья — зажиточный житель Коновалов. Родные и невеста, видя, что Акатова не дождать, а может, он уже уехал в Севастополь, дали согласие Коновалову, и свадьбу назначили на последний венец в пятницу.

Ну, этим дело не кончилось: в четверг из Петрозаводска приехал Акатов. Ему из подволя сразу с укором родные, что, мол, невеста ждала-ждала и наконец согласилась на последний день венца за Коновалова.

Он выслушал отца, родных, круто встал, повернулся и говорит: «Свадьба у невесты в девять утра. Хорошо. Ты, папаша, собирай породу и приезжайте туда час[а]м к десяти утра, а мне часов в шесть утра запряги лошадку, к дуге подвяжи колокольчик, ленты, словом, как полагается жениху. Мы с кресной матушкой поедем вперед двое».

Вот утром оделся по всей форме, садится в маленькие санки, возжи в руки, поехал. Специально подгадал приехать так, чтоб жених уже с породой сидел за столом у невесты. Ну, как обычно, в свадебном доме и у дому людей собирается множество. Ведь мужикам и бабам давали на ура много денег и поили водкой. Зевак было вокруг дома большое множество.

/20/ Вот уже жених за столом, и вдруг звон колокольчика донесся до деревни со стороны Кокорина. И показалась: едет на крупной рыси одиночная лошадь, в санках двое. Подъехал к дому военный в форме и чине. Как всем подумалось, приехал губернатор! Он взошел в квартиру, где было битком народа. Все расступились, давая ему дорогу. Звон шпор и шашки всех привел в ужас. Он, ни на кого не глядя, распахнул шинель и сбросил. Мужики подхватили шинель. Сня[л] и подал свою металлическу[ю] шапку, а руки были в длинных белых перчатках. Затем подбросил мужикам три рубля серебром на вино и подошел к столу. (Обыкновенно жених и невеста сидят в центре, и в этом месте столы раздвигаются, чтоб жениху и невесте не ходить кругом застолья.) Гости, сидящие за столом, прекратили разговор, а также все окружающие не смели шевелиться. Вот тут-то и произошло все страшное и без единого слова. Керосир раздвинул столы против жен[и]ха и невесты, наклонился к жениху, взял его за шиворот, окуротно вывел ис-за стола, тихонько лягнул под заднее место, на котором обыкновенно сидят, и сказал: «Можеш ехать домой».

/21/ Сел рядом с невестой, огл[я]нул стол и сидящих за столом испуганных гостей, сказал: «Вы можете выходить ис-за стола и ехать откуда приехали».

Гости потихоньку, по очереди, без шума вышли ис-за стола и покинули дом невесты. А через полчаса место за столом заняла приехавшая порода жениха. Так закончилось свадебное пиршество.

Но жизнь его с женой Алёной Петровной прошла плохо. Первое время она была увезена в Севастополь, но в то время при царе Алек[с]андре III служба сократилась до 15 лет. И вот он, отслужив 15 лет, приехал домой. С братом своим Федором Акатовичем разделились: дом у них был на две половины. В южную половину перешол Иван Акат[ович], а [в] северную — Федор Акатов. Детей у него было четыре сына — старший Василий, Костя, Володька и последний (Николай рождения 1906 г.)

Он такой был сумасбродный. Как расходится и вот скомандует жене (стой там, иди сюда), вот, что хочет, то и делай. Как не потрафил[а], значит, отволтузит жену. А то скомандует: «Пролезай под лавкой». А она стала довольно полная, под лавкой полезет, а где и ноги у лавки не может пролезть, не влезает. Вот тут и трепка ей. Как-то раз говорит сынов[ь]ям Кости и Володьке — был в духе /22/ в тот момент: «Володюшка, паренек-то ты хороший, но на катанок похожий».

Вот эти бу[ду]чи маленьким[и] — в 1907 г. весной в марте Косте семь л[ет], Володи пять лет — они играли на сарае, и вздумалось им разложить костер, что-то якобы сварить надо. Принесли спички, наложили щепок, сена и зажгли. Итак, на сарае пожар: было много сена и соломы. Всё мигом вспыхнуло. Ветер был от севера. Пошла полыхать деревня.

Под севером осталось два дома: Данилова и Федотовский. На берегу против их дома был выстроен еще дом Федора Акатова — в нем еще не жили — тот отстояли. И самый последний отстояли — дом Плакидина. по деревне Плакидина звали, так как он был сапожник, звали «торба».

В этом пожаре Олёна, спасая добро свое, обгорела и умерла. Остался маленьким ребенком четырех месяцев Николай. Еще первые дни они качались вместе с моей нынешней женой Шурой — ей тоже было четыре месяца — в одной зыбке. Помню, я учился во втором классе,

мы прибежали на пожар, и я еще эту зыбку качал, не думая, что тут лежит, орет на пару с Николаем моя суженая — будущая жена, спутник моей жизни.

В конце деревни был небольшой домик, там старичек был один по прозвищу Юкса. Побежал в дом, там осталась его сковорода, охватило пламенем, тоже сгорел. /23/ Он лежал после пожара, когда все кончилось, у выхода из дому лицом вниз, так бороденка осталась не сгоревшая. А у Данилова рядом со старым домишком с черной печью был уже построен новый дом. Так он знал, что на погорелое из Питера купец-сосед с Кокорина П. Ф. Харламов вышлет по 100 руб. всем. Старик бегал с головней: «Ах ты, ёкшы-кокшы, надо поджечь, а то лишусь подачки». Так не дали соседи поджечь, что и его же, дурака, новый дом построен стена к стене — сгорит.

Вскоре после пожара Костя и Володька, его [Ивана Акатова — ред.] сыновья, умерли. Остались Василий и Николай. От Василья и сейчас есть потомство: Федор, Михаил, был Петр, но утонул 27 августа 1961 г. После пожара на том же месте он [Иван Акатов — ред.] построил дом пятистенный, и был женат на вдовах еще два раза.

Вот еще интересный случай с ним же, который можно вспомнить. Накануне Рождества 1913 г. я с братом Иваном (брат Иван был уже женат) мы с Питера [п]риехали домой. (Он

Г. Н. Акатов среди односельчан. Первый ряд (справа). Санкт-Петербург. 1916—1917 гг.

почему-то нас звал плимяннички.) Вот он узнал, что мы приехали. А мы приехали часа в два дня. За нами в Питер ездил отец на лошади. Я тогда кончил ученье в мальчиках, мне было 15 лет. Он знал, что тут можно выпить (привальное). Моментально вывел молодого белоного коня трех лет, одел уздечку (обороть), присте[г]нул за обороть возжи без хомута и шлеи, /24/ сел на дровенки, на которых возят (а у нас называют гоняют воду)¹. Возжи в руки, конюскомандовал: «Пошел». И кон[ь] полной рысью пошел по льду, и таща за собой дровенки, на которых восседал бывший фельдфебель керосир Иван Акатович. Приезжая к нашему дому, возжал у двора, привязал коня, пришел в квартиру. Его встретили как хорошаго гостя, хотели загнать лошадь с санями на сарай, а саней-то не оказалось. Тогда он говорит: «Я теперь езжу как на бегах на одних возжах». Ну, конечно, домой-то пришлось везти на его же коне, но в наших санях вместе с дровёнками.

В последние годы он уже на работу не ходил, а дома справлялся по хозяйству и смотрел за внуками, сынами Василья. Бывало, оденет белый фартук, моет посуду, варит обед, доит коров, словом, разворачивается как 20-лет юноша — черная небольшая борода — и командует внуками.

В 17-х годах мой шурин Иван Евстегнеевич и его [Ивана Акатова — ред.] внук Петр дружил[и], были одноклассники. Они пойдут за поле за малиной или вырубить (кренину) для ружья, он им привязывал на шею коровей колокол, чтоб слышать, где они ходят. И раз они колокол потеряли, так было им на орехи от деда. То в хороший час скажет: «Вот, ребятки, вам баночка, наберите малинки, и я вас напою /25/ чайком с малиной и с кре[н]делями». Как ребята придут, принесут малину, вытрясут в тарелку на стол, мнут с ноги на ногу, ожидая чай с крендельками, он подойдет, посмотрит малину, потом на них: «Подлецы, почему мало малины, кыш отсюда». Ребята знали его, они сразу в бег от него, кто в дверь, а Иван, бывало, всё в окно, на ступени. Вот и напились чайку.

Нельзя не вспомнить еще о некоторых жителях деревни Мелой-губы, раз речь идет об этой деревне. Начну с северного края деревни. Старик Артемий Данилов, у которого еще в 1907 г. была хата, что топилась по-черному, то есть без трубы, был страшный охотник: все дела были заброшены лишьбы уйти на полисье. Ругательное слово у него было «ох, ёкшы-кокши». Вот однажды, уже еле ходил, вышел на почтовую дорогу — широкие лыжи привязаны на веревочку — волокет за собой оружие — было большедыро шомпольное — всё с ним ходил: и на медведя, и на белку, регулируя зарядом на кого идет. Кстати, он был кривой: левого глаза не было. Не надо было затруднять себ[я]: во время прицела закрывать левый глаз. Сидит на пне близ дороги, идти в лес не может, и говорит сам с собой: «А отнялось полисьеицё, отнялось!!»

/26/ в с[л]едующем доме жил старик Ураев Илья Васильев. Ребят по обыкновению было много. То это[т] старик вел такой образ жизни: на лето всегда нанимался в пастухи на Кокорино, а придет зима, тогда он запрягает свою кобыленку в розвальни и едет просить то в Кижы, то в Заонежье. И так он менял свои направления поездок, чтоб не узнали, что это всё ездит один и тот же старик. Даже насколько бы[л] хитер: просит где как. Даже оглобли у розвальней немножко поджог, они обуглились, будто были в пожаре. Просил на погорелое.

И вот после двухнедельной поездки привезет полные розвальни хлеба, муки, масла, словом, на семью на полгода. А к весне снова съездит в другом направлении и опять привезет воз.

Однажды ему сказали: «Как тебе, Илья, не совестно просить-то?» Так он ответил: «Ох ты, дорогой сусёдушко, веть не слыхано, чтобы кто обеднел от проски».

¹ Так в рукописи: скобка закрыта после гоняют воду.

Старуха у него была с бельмом на глазу, но такая ядовитая на зубы, всех умела переспорить и выйти сухой из воды. Сы[н] его Петр пришел в 1918 г. из армии, была голодовка, он наварил котелок пшеницы, все съел, получил заворот кишок и умер. Второй сы[н] Савелей Ильич, старший, уходя на военную службу в 1913 г., работал работником /27/ в Кокорином у Харламова Иван[а] Артемьева. И там же жила работница карелка Дарья. Они поженились. И его¹ после действительной службы застала война 1914 г. Он служил в 22-й артелерической бригаде. И когда стали после революции возвращаться солдаты по домам, тогда Дарья приходила к приехавшему с фронта, даже не спрашивая где он служил, обращалась: «Ку, ня видали ты там моёго Савелья?» (А «ку» это у ней была приставка к каждому слову.)

По возвращению из армии первы[м] председателем сельсовета был Савелий Ураев, а впоследствии [он] — председатель колхоза Кокорино-Бардово-Мелой-губа (Красное утро).

Замечательные воспоминания оставил о себе тоже бедняк Федотов Тимофей Никанов. Женат он был в деревне Буйносово. В деревне ловцы зимним неводом обыкновенно выезжали зимой ловить очень рано, чтоб к свету проехать километров восемь, собрать невод и занорит[ь] до коленной, чтоб вытянуть невод еще при полном свете, то есть, часа в два дня. А зимой день короткий, и протянуть невод подо льдом более полукилометра, и пропешать проруби на семь вынимов по одной стороне штук до 40 — надо поработать, когда лёд станет так в $\frac{3}{4}$ метра. Всегда бабы старались к поезду приготовить[ь] чай и свежий рыбник.

/28/ и вот жена Тимофея Федосья встанет часа в четыре, топит печь, и к шести часам готов горячий корешник (рыбник из рыбы корюшки). Ну, как только он сядет за стол есть да пить чай и вот начнет к ней придирается, чуть вроде как со слезам[и] орет на её: «Горячий чай». Она нальет ему чашки три-четыре, чтоб чай пить по очеред: пусь, мо, остывает. Пока воет, чай остынет, опять орет: «Холодный чай, бобыль буйносовский» — это так он её обзывал. Потом возмется за рыбник, и надо к чему-то придраться, заорет: «Сырой корешник, бобыль буйносовский, холодный корешник!» и вскочит, чтоб её покуделить (то есть, поколотить). Но Феня повадки его знала, визитка уже одета у ней и плат на голове. Стоит в отдаленности у прилавка, держится за (окойник), где вешают утеральник. Как он вскочит, она сразу в бег на улицу. Тем и сбывала от побоев.

Избёнка у него была одна. У него было две дочери. И как-то были возчики постояльцы. Зимой она спала на полу против печки, а он на печке. Он ей говорит: «Как вси заснут, я тяби брошу щепку, ты и приди на печь». Вот однажды ночью шапку бросил ей — нет, нейдет, бросил ростопину — нет, другую, и все даже дрова выкидал с печи в нее, все равно не пришла.

/29/ Утром глядит на её: она вся в синяках, и спрашивает: «Кто это тебе так фонарей наставил?» Будто сам ниче не знает. Она говорит: «Жыравик, наверно, не знаю». (Жиравик, значит, домовый.)

Следующий дом, который отстояли при пожаре 1907 г., принадлежал Плакидину Антипу Фомичу. Он был сапожник и в зимнее время уходил на заработки по деревням. И вот уйдет на неделю, на две, а в субботу приходил домой. Он был приёмыш в дом. Жена его Окулина Фомична была сдаровая баба, а говорила как-то в нос. Словом, в деревне называли как «лубайдала». И вот как приходит суббота, она уже ждет его с бурлаков, все поглядывает в окно на озеро, на дорогу, идущую из Кокорина, и баня уже топится. И как только увидит, что он идёт, тащит за собой дровеночки с инструментом — ну, там колодки, лапку свою — она уже дело знает, что в первую очередь надо Антипу Фомичу. Как неряшливая хозяйка, постелья век с полу не убиралась. И вот она берет за угол пустелю набитую соломой, и тянет через

¹ В рукописи: он.

сени в заднюю комнату. Тут, в избе, ребяташки помешают. И первым заходом Антип Фомиць туда. /30/ Ну, естественно, с азартом выполнив свои супружеские обязанности, разомлев, она спрашивает его: «Антип Фомиць, аще ли?» Тогда он, придя в себя, лопочет: «Окулинушка, аще, аще, аще». Ругательным словом у него было «ах, мать твою в торбу». Почему его и звали по деревни «торба», а ребят — «торбицы». И посечас уже и правнуков зовут «торбицы».

У него было два сына: Иван, старший, уже был женат, Николай призыв[а] 1908 г. И вот, Николаю надо было идти в солдаты. Льготы не было, так как есть брат старший, он чето был забракован, был, как называли тогда (ратник). У Николая была зазнобина — Данилова дочь. И вот ему надо было во что бы то не стало жениться на ней, а нейти в солдаты. Это было в первых числах ноября. И вот в Кокорином на беседе был[и] Николай и Иван. Николай постарался его напоить вином до без сознания. Пошли ночью домой. Надо было идти по льду, а они пошли островом. И вот на развилке дорог Николай убил брата Ивана. Даже на месте происшествия, помню, и я был. Снегу еще было не много, размят снег на площади пяти квадратных метрах, кое-где на снегу была кровь. А он пришел домой под утро и объявил дома, что брат Иван пьяный /31/ на острову замерз.

Ну, как существуют правила, его притащили домой. До конца следствия хоронить нельзя. И вот на улице был устроен «лавас», то есть два козла поставлено высоких, с которых пилат бревна на доски. В поперек наслали досок, соломы, и его там положили. Пока это всё происходило, дней десять, надо было караулить его, пока не пройдет следствие. Всегда по очереди дежурило по два человека, днем и ночью. Если один в избе сидит, греется, то другой на улице. И я дежурил одну ночь с субботы на воскресенье с Тарасовым Василием Евсеевичем: мужчина лет 40, а мне тогда было десять лет. И я всю ночь катался из под окна тут же с горки на дровенках. Вот, помню, утром дет Антип поставил лесенку к лавасу и полес с кадельницей покадить сына «ладаном». Да лесница был[а] низкая, и было скользко, он с верху сорвался вместе с лесницей и с кадельницей. Кадельницу рассыпал, ругается начем свет стоит: «Ах ты, мать твою в торбу», и повторяя многократно: «В торбу, в торбу, в торбу». Но в конечном счете никакого следствия не велось: приехал стражник, крестьяне-соседи подтвердили, что замерз и всё, пьяница, мол, и был. Так и похоронили. И Николай женился на своей Степаниды¹, Любушке. В солдаты так и не взяли².

/32/ у него было еще две дочери. Мария много годов прожила в Питере в прислугах. Приехала домой годов 30, такая модная по тому времени. Как тогда говорили, «на питерячилась». Бывало, песни пела: «Шёлковые платья, рукава короткие, не щиплите за бока, я боюсь щекотки». И так старой девой и умерла. А вторая — Матрена — вышла замуж за такого питерского ухарца, некто Шаторин с Вершуньги. Как только он её и не бил, и чем только не бил. Как говорят, только печкой не бил. А всё равно, она только и твердила: «Хоть тройноком бы бил да поверти-нога бы был», то есть, значит, выходной, фартовой. Как говорят, первый парень по деревне, а в деревне один дом.

Был в Мелой-губе еще один дет Герман Григорьевичь Исеев. Он служил 25 лет, учасник Руско-турецкой войны. Все рассказывал, как он был на Шипке со Скобелевым. Что замечательно было у него — это громовой голос. Кокорино от Мелой губы один километр, так, как в тихую погоду он говорит, то всё слышно на Кокорино.

Еще был приёмный в дом Лобанов Павел. Век свой сам и дети ходили просить. Старик умер в 1915 г. В Пасху: с голодухи объелся калиток да всего и получился заворот кишок. Остался

¹ Вписано автором между строк со знаком вставки.

² Далее в той же строке — последней на странице — пометы автора в круглых скобках: *(сбыл ничем) (Степанида)*.

сын Степан. /33/ Степан Павлов, когда возрос, был сдоровенным мужиком. Всё ходил по работникам. Осенью любил страшно охоту. Было у него шомпольная пищаля, но до того была доведена, что курок привязывал на проволоочки да на гвозди, крепил всё. И вот однажды, будучи на охоте, стрелил белку около Юнозера, оторвался курок и прилетел ему в лоб. Курок пробил череп выше правого глаза, там и остался. Он лежал без сознания в лесу трое суток. Никто не знал где его искать. Он уже был женат. Собака его зализывала ему рану, и на третьи сутки с визгом прибежала домой, зовя о помощи, и снова, как бы зовя в лес людей, побежала в лес. Тогда её взяли на веревочку, и она привела людей к Степану, где он лежал. И представте, ведь залечили этот пробой черепа, только осталась глубокая яма в лоб.

И так дожил до старости, и накопил кучу ребят. В последствие, когда уже пошли ружья системы Бердан, у него была берданка. Вот однажды он, собираясь на охоту, вечером разложился и заряжал патроны, а дочь Пашку заставил светить лучиной. Пашка, как забудется, и опустит низко лучину над столом, а на столе капсюли, дробь, порох рассыпан. Он и крикнет на её: «Пашка, змия, свити выше». /34/ Да как-то не доглядел, что Пашка опустила низко лучинину, упал уголь на порох. Порох вспыхнул, что было рассыпано по столу, ну, и остаток грам 100, что было в коробке, тоже вспыхнул огнем. Ему обожгло волосы, лицо. И вот он с горяча давай Пашку волтузить: «Тяби сказано было, змия, свити выше, так нет».

Летом он рыбачил, ловил мердами и сачил, а больше никаких ловов не имел. И вот однажды у него были пущены мёрды километра за три на Драченских лудьях на окуньков. И ребята туда ездили удить и, конечно, увидев поплавок, глядиш, мерду или две и обтрясут. Вообще попадало там не плохо, иногда килограммов по десять в мерду. Раз-другой, видимо, и мои племянники обтрясли его мерды: Иван¹ Семенов и Виктор Арнаутов. А когда на лудьях около мерд ездят, то Лобанову видно из окна, но кто ездит — за три километра не разбереш. И вот однажды собрались ребята его, наши и соседи, сидят у них на ступенях. А Степан Павлов и говорит, как бы ни к кому не обращаясь: «Вот у меня² кто-то походит мерды на Драценьских лудьях. Вот, нунь как увижу, што лодка ездит около мерд, как засыплю в оружье рюмки две пороху да картеци с рюмку, да с езд и форскну. Тогда будут знать, как походить цюжие мёрды».

/35/ Теперь начну воспоминания с 1900 г. В 1900 г. В Ильинскую пятницу, то есть³ Ильин день бывает всегда в числах 20-го июля старого стиля⁴, а пятница, какая перед этим днем, хоть дней за пять, всегда называют Ильинской. Было жаркое лето. Люди из деревень все трудоспособные были на покосе. Отец и мать были на уборке сена в новочистях.

На кряжу, с восточной стороны берега нашей деревни, южнее дома «филиповских», дом — и ныне стоит дом Кирикова В. Ф. — стоял дом Харламова Платона Ферапонтовича. И вот старушка Ферапонта Максимовича истопила печь рускую, нагребла большой чугунный горшок углей потушить, чтоб греть самовар и, укрыв горшок, вынесла горячие угли в горшке в кладовку. Угли оказались были плох[о] укрыты, и оне разшались, то есть, разгорелись, а не погасли, да к тому же был большой северный ветер. В кладовке загорелось: пол и всё, что там находилось. Увидела она дым и огонь, когда уже сени были объаты пламенем. Дом Харламовых был большой. В то время сын старушки Платон был в Питере уже купцом первой гильдии. Ветер способствовал увеличению и ускорению пожара. В деревне Мелой-губа

¹ В рукописи: Иванс.

² Так в рукописи.

³ В рукописи здесь и далее: т/е.

⁴ В рукописи: стар/стиля.

/36/ есть и по сие время часовня. Там ударили в колокола «набат», но было поздно. В деревнях находились только старые и малые. Благодаря большого ветра и жаркой погоды горело так, что за 100 метров и более несло горящие головенки. Когда люди на покосах услышали набат, побежали в деревню, но уже было поздно. Через полчаса вся деревня была объята пламенем.

Со слов сестры Анны, ей тогда было десять лет, я спал, и она меня сонного вынесла из дома, а он уже горел с крыши. А также выбежали сестра Парасковья и Александр. Дом наш в то время стоял на середки деревни. Дом был на две половины. Когда прибежали с покоса отец и мать, мы были за деревней, где ныне была школа, а к деревне не было подхода, такая была жара от огня. И так наша деревня сгорела до тла. Никто ничего не вынес. Только остался один дом В. Ф. Кирикова, так как он стоял сзади харламовского и был под ветром. Ветер был с севера.

И так деревня осталась без крова. Мы переселились в Мелой-губу к Ивану Акатову. Наша семья была: отец, мать, ребят[а] Анна, Паша, Александр и я. Братья Михаил и Иван уже были в Питере в мальчиках в учении.

/37/ Брат Иван жил тогда у Харламова П. Ф. Ему было 14 лет, но работа на складе у Харламова была ему тяжела. Сортировка и уборка всякого рода металла, прием и отправка всякого рода железа нового и метал-лома¹ была ему не по силам, и он часто болел. Михаил был отдан в мальчики на Монетный двор. Тогда возглавлял Монетный двор некто инженер Хлебников. Монетный двор помещался в Петропавловской крепости. И так как ему было 12 лет, то его Хлебников использовал у себя дома как прислугу у своей жены: сходить в лавку, чистить сапоги, да была огромная у него собака «санбернар» — вывести на улицу. Но он собаку использовал как транспорт для своих поездок в лавку, за что не раз был отколочен Хлебниковым. Квартира Хлебникова была у Сытного рынка: Саблинская, дом № 5, на питербур[р]гской стороне.

И в 1902 г. умер Хлебников. А Мишка уже так надоел хозяйке, она не могла никуда его сбыть. Потом как-то сбыла на Монетный двор, но ведь после такой привольной жизни ему не понравилось на Монетном дворе.

Бывало, его хозяйка пошлет: «Мишанька, купи три фу[н]та колбасы, три ф[ун]та ветчины». И вот, стараясь накормить своего /38/ любимца Пирата, скормит ему с фунт колбасы, кусок ветчины и что там еще можно, но зато он его катал по Сытинской площади зимой. То положит ему на шею, а потом под передние лапы веревку, сам сядет на санки, и вот он его носит с ветром в круг по площади, и даже иногда сбивает с ног ребятишек или зазевавшихся взрослых. А летом впрягал его в детский трехколесный велосипед — предварительно сняты были педали. А жил на квартире у хозяйки.

И вот надоело ей слушать жалобы на него от посторонних людей и соседей по дому, и тогда она отправила его в общежитие при Монетном дворе. Ну, вот оттуда-то он в 1902 году летом и убежал домой. Уже в 1902 г. я помню, как он пришел домой, и у него была на голове кепка с пуговкой, что меня очень заинтересовало и осталось в моей памяти.

Купец Харламов Планон Ферапонтович тогда выслал из Петербурга всем погорельцам, у кого сгорели дома, по 150 руб. И стекла для остекления рам для всей деревни. Некоторым, правда, дал больше: каких стариков уважал. Например, нашему отцу дал 200 руб. Так что, имея такие деньги, через год уже у отца был срублен и поставле[н] дом двухэтажный, /39/ ныне существующий. Но с прежнего места пришлось отодвинуться через один план на север,

¹ Так в рукописи.

так как дядя Павел взял то место, где сгорел дом, хотел строить дом, но так и не построил. Они с отцом тогда еще жили вместе, хотя уже он жил в Петрозаводске. Но пожар их разделил навсегда.

В те времена люди были доволь[но] сознательны, в беде помогали друг друга. Взять, к примеру, мужики деревень Климкова-сельга, Ямка, Михеева-сельга по берегу своего надела в Гадгубе и под Каврой вырубали и спустили на берег более трех тысяч хлыстов леса строевого и отдали всё в дар кокоринским мужикам на погорелое.

Также помогли [из] Куткострова и Колгострова. Бригады плотников, пришедшие с Толвуи, Кузаранды, за более сходную цену рубили срубы и ставили дома. Так что не прошло года, мы уже жили в своем доме, хотя в одной избе. Остальное все было под крышей, но не отделано.

В нашей деревне в то время было три купеческих семьи, которые жили в Петербурге и не нуждались в помощи — Харламовы, Тарасовы и Наумовы.

Алексей Иван[ович] Наумов выстроил дом больше всех: 12 огромных комнат и 13-я светелка третьего этажа. А сзади дома /40/ была состроенная временная изба пока строился этот огромный дом.

Но некоторые мужики, видимо, часть пожертвованных денег попропили, что были построены небольшие пятистенные домики, такие как Еремеев Я. П., Елизаров В. В., Ильин Сыс[ой] Кондр[атьевич], Ильин Е. К. Словом, деревня через два года выстроилась полностью и жила нормальной жизнью.

Михаил брат тоже в детстве был не дай бог какой вредный кого не залюбит. До пожара по-переды дома нашего стоял ледник небольшой, напротив нашего дома был дом Ильи Александрова Акатова. И вот как только усядутся старик со старухой Марьей Григорьевной пить чай против окошка, тогда Мишка влезает на крышу ледника, сдернет точивные порченка на одной пуговице, и покажет голую жопу, и кричит: «Бабушка Марья, погляди «лукошко»!» Она в окно его ругает, ругает: «Вынеси тебя черт, мазурика!» а он им в ответ: «Пошли с Манькой (у них была дочь одна, и та была рождена без волос, и так прожила всю жизнь) кусочик сахару да кренделя, так я и сам уйду!» и вот бабка вынуждена послать с Манькой кусочик сахару и кренделя. Тогда он закроет «лукошко» и уйдет.

Рано он познал трудовую жизнь. С 14 лет отец его уже брал на (выгонку), /41/ значит, на сплав. С весны ранней обычно нанимали приказчики от хозяев на сплав и под расписку давали задатки. Он хорошо изучил технику сплава и, будучи на сплавах как на многоводных реках: как Суна, Шуя, умел с багром ехать по реке стоя на одном бревне, даже пр[и] плясывая на нём.

И вот когда где-то случится «залом», значит, затор брёвен, тогда приказчик посылает его, говоря: «Акатов, иди разбери залом (да только не купи там костюма)», что значит: не упади в воду, не выкупайся. И ему это хорошо удавалось. Тогда на сплавах была плата подённая: сплавщик нормально получал 60 копеек¹ в день на готовых харчах. Но это те сплавщики, что толкали от берегов, бревна скатывали в воду и на прямых участках сплава через озера забирали по три-пять тысяч бревен в оплотник, и тянули кошель бревен (на головку) на аккапель, где был установлен ворот. И вот, всунув в ворот пять-шесть длинны[х] жердей, ходили по аккапелю, наматывая канат, подтягивая кошель.

На больших переходах на аккапель брали пару лошадей и, подпрягая их к концам просунутых бревен в ворот, гоняли лошадей кнутом, наматывая канат на ворот. Это называлось

¹ В рукописи: коп.

бурлаки коногоны. Но когда бревна были спущены в устье реки, тут /42/ тогда начиналась главная работа — сортировка бревен по сортам и сплотка в пучки, то есть, в пачки. На собранный ряд бревен натаскивают второй ряд в поперек, затем кладут так называемый поборник, это специально заготавливались[ь] еловые жерди длиннее бревна. (Бревна в большинстве случаев заготавливались длиной девять аршин два вершка, редко четверник, то есть, четыре сажени или 12 аршин.) Словом, в один плот такой стави[л]и рядов пять-шесть бревен. Вот прежде не было, как теперь, достаточно количество цепей проволоки семи-восемью миллиметров. Для увязки такого плота — а вязали это всё вицей — рубили мелкую елку, конечно, прямую, чистую, в комле так шесть-семь сантиметров. А в большинстве выдирали с корнем длиной три-пять метров¹, и это вили в сыром виде, как вицу. И этими прутьями увязывали через поборник, то есть, внизу поборник, в середине и вверху, и все это увязывалось этим² прутком в концах и в середине плота. После всей этой подготовки эти плоты обносились в два ряда оплотником, который тоже в большинств[е] случаев, связывался вицей. Редко у которого хозяина были для этого цепи. Так вот, сколько портили елки молодой для этих работ при сплотке.

/43/ Вино он начал пить рано, годов с 16. Но он дело с бездельем тогда не мешал. В 16 год[а]х он уже был сплавщик первой руки, получал на сплаве и сплотках 1 руб. 30 коп. В день. Это была наибольшая цена для (лободыра), так называли сплавщиков, при 12—14 часовом рабочем дне. Он был слишком легкий на ногу. Бывало, пошлют ли его с пакетом на другой участок сплава или отнести деньги приказчику для уплаты рабочим километров за 60—70 по бездорожью летом (весной больше), он в те же сутки, даже раньше, придет обратно. Словом, на ходу он устали не знал. Так было и до старости.

На сплаве всегда ночуют на улице, тут же на берегу у [о]гня. Поспят часо[в] пять-шесть, а то и под дождем все дни, а высушится только можно у огня. У него всегда сильно болели зубы. И вот однажды он пришел со сплава, ден[е]г, конечно, у него было. Отцу отдаст, ну, и для себя на табак да на вино припрятет. Словом, карманные деньги водились, но недолго. Однажды, придя со сплава, он угощал дядю Егора Андреева, а сам всё хватается за щеку — зубы болят. И вот дядя Егор и говорит ему: «Я знаю зубы заговаривать, чтоб не болели, и вот тебе посоветую: делай так (а сам уже был пьян в доску), /44/ а дело было ночью, но весенняя ночь — в три часа уже встает солнце, — вот как только начнется подзарь на востоке, ты уж карауль: как чуть солнышко из-за Юной-горы пирухтат (то есть, покажется), так ты стакан вина и лызни; потом как приздынетца сонце³ так на Куткостровсько норило, ты тогда не замешкай другой лызни; вот в тот день и зубы болеть не будут; да штобы стакан обязательно был тоненькой, а не граненой». Ну, вполне понятно: два стакана выпьешь подряд, то есть, пол-литра, какая может быть зубная боль! (Вот какой был колдун.)

У братьев Егора Андреева и Ивана Андре[е]ва была своя сойма. Старший брат Иван уже был женат, вина не пил, не курил, а Егор был на все руки от скуки. И вот однажды Иван послал Егора с Михаилом к Вознесенью на сойме. Дело было так: около Петрова дня послал купить муки, крупы и всевозможных бакалейных товаров. Послал с ними письмо одному купцу, с которым уже была договоренность. Денег-то он с ними не послал: (пропьют псы). И вот они приехали к Вознесенью. (Вознесенье — это было портовое село в устье реки Свирь, куда приходила мука, крупа и все продукты по Маринской системе с города⁴ Рыбинска с Волги.)

¹ В рукописи далее повторено еще раз: (3—5).

² В рукописи: это.

³ Так в рукописи.

⁴ В рукописи: гор.

/45/ у Вознесенья Егор остонавливался у одной старушки, был на берегу свой домик и молодая дочь. А муж её ходил на парходах, всё лето не был дома. А старушка так еще не стара, годов 48, и дочь 18 лет. Старушка любила выпить, как он её называл: «Ну, желанная, выпьем». Дочь уходила на работу, в конторе где-то была, так называли тогда конторщиком. И вот, приехав к Вознесенью, погрузили свою сойму, что было написано у брата Ивана купцу. Ждут поветери ехать домой. А денег-то на вино нету.

Вот Егор и говорит: «Мишка, пойдем пособим грузить сойму Корнышкину — знакомый мужик соемщик — вином напоит, да и смекнем што-нибудь. Ты как пойдеш с лабаз по сходням на сойму, скажем, понесеш пять пудовиков крупчатки или первачу, так маленько будто качнись, у тебя, глядиш, пудовик, а то и два упадут в воду. Он не увидит, лабаз далеко от соймы, а ночью мы с тобой всё с воды выдоставаем, да в свою сойму. Пусь¹ маленько будут мешки сырые, сверху высохнут до дому, а с соймы нашей возьмем столько, сколько принесем с воды, и продадим. Вот и деньги на вино, вот тогда нам с тобой не скучно будет ждать поветери, а то всё виет север».

/46/ и вот пошли два приятеля помочь соседу погрузить сойму. Вот Корнышкин вешает свои товары, что привез: смолу, уголь, деготь, а они носят ему в сойму уже отложенное количество муки, крупы, мануфактуры тюки, дробы пудов 20 было, а ящики были по пуду. А крупчатка и первачь много было, тоже в пудовых мешках. И вот они нароняли в воду пудов 20 крупчатки, пять ящиков дробы. И т[р]и тюка мануфактуры случайно бросили в свой баркас под брезент. И сразу же баркас свой переправили к своей сойме.

И вот, погрузив всё, что было, в сойму приятеля, тон 20, он их напоил до упаду. И сам пока спал пьяный, они все подняли с воды и перевезли на свою сойму, благо она стояла совсем рядом, метров за 15. Ну, конечно, тут они зажили, а ветер всё еще дул встречный. И вот утром раненько пришли к подружке (бабушке) кофейку попить. Она была страшная кофейница. И вот они пришли, уже изрядно выпивши, и принесли три бутылки, налили по чашке. Егор говорит: «Ну, родненькая, выпьем только по единой». Да пото[м] еще да еще. И вот ба[б]ка заходила ходуном: «Вот сичас /47/ я, Егор Андрииць, наварю кофейку со сливочками». И поставила кофейник против горячей русской печи. А сама ходит так, что уже, как говорят, её выбирает выше полуветра. Егор Анреев возми да в кофейник и стряхнул осьмушку махорки. Вот заваривается, кипит кофе со сливками и там же осмушка махорки. И вот она принесла кофейник на стол, налила по чашке и заплетающим языком угощает: «Кушай, Егор Андрииць». Сама разлила чашку и вот смакует глоточками тят-тят-тят: «Што-то, Егор Андрииць, кофиек-то горковат». А Егор говорит: «Маловато мы, нянько, выпили, давай-ко еще по единой». И как выпила еще чашку, тогда уж пила кофеек и ничего не разобрала. Надо сказать, что старушка была чистоплодная. На кроватях — белые пикейные одеяла. И вот её начало тошнить, а Егор, будто ничего не зная: «Что с тобой, родная, век тебя не тошнило». И тут он её поднял и снес на кровать. На кровати она облевала всё, и в результате её взяло во все концы, словом, обгадила пол, стол, кровать и сама себя так, что когда пришла дочь, есть на что полюбоваться. А Егор и Михаил уже спали в сарае у них на сене.

/48/ Совершенно другой был его старший брат — Иван Андреевич Акатов. Не пил водки, не курил, а копейку к копейки собирал. Ну, значит, стал и соемщик, и по деревне купец. А ходил дома всё в мешковых штанах да работал день и ночь: смолу курил, суда грузил, на вывозку ездил, словом, работать был зверь. Ребят было четыре дочери, три сына, все росли до полного возраста.

¹ Так в рукописи.

По рассказу отца, однажды он взял отца как бы поденьщика съездить к Вознесенью на сойме за товарами. И вот однажды едут они от Вознесенья, и около деревни Пегрема застал полный штиль: всё стихло, паруса висят. Было рано, с выставом сонца часа три утра перед Петровым днем. Он обыкновенно ел изрядно, любил пшеничную кашу с конопляным маслом, а дома и тесто овсяное с брусникой и простоквашей. После сна вышел из каюты на палубу и, как обыкновенно бывает, зевнул, что слышно было за километр; почесал под бородой, потом почесал брюхо под рубахой, и перешол к матче, и стал о матчу чесать спину. Обращается к отцу, который сидел на руле: «Что, братан? Тихо едем». В это время в Пегреме бабы идут из домов на берег: которая за водой на самовар, которая пеленок полоскать. Да их было штук /49/ до десятка на берегу. по сойме бабы узнали, что едет Иван Андреев. Ну, конечно, может, кто-то и хотел бы кое-что купить, так как подходит сенокос. И вот несколько в голос и кричат, а на заре слышно хорошо: «Иван Андрииц, нет ли пшоны да белой муки продажной». Он кончил чесать спину о матчу, подошел к борту и кричит громко, да, кстати, голос у него был грубый бас: «Нет, сами голодом едем». И как эхо разнеслось, как пернет раз и другой подряд. Бабы на берегу: «Ха, ха, ха, вот ярятик, слышать, што голодом едет, за версту слышно так стреляет, што с пушки».

Женился Михаил 25 лет в 1912 г. на деву[ш]ке 16 лет Парасковьи Макаровой Ильиной (по деревне звали Ильюшкины). Отец её, Паши, век жил в Питере, был приказчиком, а жена дома, и еще был брат Иван Яковлев, почему-то по деревне звали «Пупик». Брат Михаил рассказывал, как он сватал. Пришел позно ночью после гулянки к ним, сел у порога на тушилку из-под углей, курит, а дым пускает в душник. «Ну, дядя, — обращается к Иван[у] Яковлеву, — выдаш ли за меня племянницу?» Тот говорит: «Мое дело маленькое, как невеста да мат[ь]». «Ну, ты, невеста, идеш ли?» Невеста говорит: «Маменька, я пойду». /50/ Вот коротко и всё сватство. Чаем напоили, вином угостили. Ну, как полагается, и залог дали.

Ночью же пришел домой, мать спала, бросил ей узелок: «На, а утром узнаеш». Ту-то мать и догадалась: узнала платок. Будит отца, говорит: «Мазурик-то сосватал». Утром приходят звать жениха и родителей сватать. Мать его будит: «Вставай как сосватал, сваты звать пришли». Он не встает: «Ничего я не знаю и никуда не пойду». Но ведь в деревне это считалось позором — посватать и отказаться. И вот так он и женился.

Ребят у него было много, но умирали, а [в] жизнь пошло трое: старшая Шура 14 г., Алексей 18 г., и Сергей 33 г. Правда, молва шла упорная, что когда он погуливал с Варварой Сысоевой, что у них был даже шит (мутник).

Война 1914 г. Он был взят в солдаты. Служил в Петербурге в лейб-гвардии Финляндском полку. И во время наступления в Польше на реке Стоход, лежа[л] в цепи, рядом разорвался снаряд трехдюймовки. И вот ему оторвало левую руку — кисть, осколками ударило под г[р]удь и свер[х]у в левую лопатку. Словом, ран было столько, что только он перенес. И до Брянска везли без основательной перевязки. И только в сан-поезде /51/ временами терял сознание. В Брянске в госпитале обмыли, все присохшие бинты отмочили и ампутировали руку ниже локтя, и со спины снял[и] осколки. Перед операцией врач велел дат[ь] спирту 100 граммов¹. Как он выпил и когда его расхорошило, тогда он говорит врачу: «Все вытерплю, ваше благородие, господин доктор, толь[ко] прикажите налить ещё рюмочку». Ну, доктор, конечно, разрешил, видя, что такой энергичный солдат.

По выходе из госпиталя, едучи домой через Ленинград, на вокзале случайно он встретил отъезжающего со своей свитой попов Архирея. И вот он раз к нему, как бы чуть не со слеза-

¹ В рукописи: гр.

ми: «Помогите, ваше преосвященство, посоветуйте, как мне теперь жит[ь], у меня семья, а я видите какой стал». На нем была одета худая дырявая шенелешка, и свободный левый рукав шинели засунут под ремень. Жирный Архирей глянул на него и говорит: «Сын мой, вижу твоё безвыходное положение и советую тебе как пастырь Бога: раздай своё рубище бедным и иди в обитель для спасения души своей». Тогда Михаил глянул на его и говорит: «Что же ты оделся в соболью шубу, а мне советуешь отдать рваную шинель, остантсь голым, ты отдай мне свою шубу». Ну, тут Архирей глянул на него, свел глаза кверху, хыкнул: «Хы, скройся от меня, нечистая сила», закрестился: «Аминь, аминь, аминь».

/52/ Все же он на вокзале в ожидании поезда домой подкатился к одно[й] пожилой даме припросить совета. Дама оказалась купчихой Унковской. У ней были свои леса в Новгородской губернии[и], в Костромской, где она вела лесозаготовки и продавала уже разработанный лес, то есть, дрова, шпалы, брёвна. Она была вдова лет 50, солидная. И вот, желея его, она взяла его к себе на работу как приказчика по биржам, и ведать всеми делами: отправкой и продажей леса. Но он был не промах. Прожив у нее год, скопил деньжонки. Ну, и к концу 1916 г. все дела она прикрыла, а он приехал домой в деревню уже с деньгами и хорошо одет.

Приехавши домой, хотя был без руки, но сильно взялся за хозяйство. Семья была большая, и в 1916 г. вернулся брат Иван с войны по ранению. Они взялись за хозяйство, наделали сеток, мереж, неводов и много ловили рыбы. Но время стало трудное, прошла революция. С хлебом было трудно, но он умел достать всеми правдами и не правдами. Словом, от чёрта из-под носа унесёт, и он не заметит.

Теперь в кратце расскажу некоторые его проделки в его жизни. Вина пить он любил и пил, никогда ничем не закусывая, потому быстро пьянел. Но всё у него скоро проходило. /53/ Однажды весной он устроил такую шутку. Брат Федор в 1913 г. учился в школе, а у него подружка была, соседка Елена Кирикова, по-деревенски «Бариновская». Дом рядом с нашим. И вот как с Федором что-нибудь не поладят в школе — ей было лет восемь — она выбегает из дому босиком в одной точивной становнице, хватает снегу и начинает кидать в наши сени, если это происходит зимой. А если летом, то кидает грязью в сени, как бы на отместку Федьке. Вот, однажды весной, грязь на улице, и еще кое-где снег. Она выбегает из дому, начинает месить в руках комок грязи, чтоб подбежать и бросить в наши сени. Тут увидел Михаил и вышел в сени, стал за дверь. Елена подбежала и бросила в сени комок грязи, затем тут же, замаяв еще комок грязи, подбежала к ступеням. Только хотела бросить грязь в сени, а Мишка цап её и ухватил за становницу. Ну, понятно, она заревела. А Михаил пронес её к огородаы, что была между нашими домами, поднял её и становницей-то на приколок и повесил. Значит, она висит, руки-ноги свободны, болтаются, а становница «точивная», крепкая, с кола-то она никак сорватся не может и орет благим матом. Так проревела она минут десять, вися на колу, потом кто из их дома услушали крик. И вот мать её идёт, смотрит — девка на колу висит, орёт. Она хлопнула руками о себя, говорит: «Этта аще цище, цёрт ли тябя туды сдынул, /54/ ярятик ты шальной, иш тябя яретика куды цёрт клинул». И давай снимать её с кола. Ну, когда сняла с кола, девка в бег домой, чтоб еще не попало в добавок. А мать её рассказывает соседке: «Подумай ты, как ю цёрт на коу сдынул, как она могла забратся и повиснуть на колу».

На против нашего дома был дом Еремеева Якова Павлова. У них была старшая девка Авдотья, голосистая петь песен. Но сама была очень карявая после оспы: карявинья были так глубоки, что свободно в ямочки могла поместся горошина. Домик был не большой, топился по-черному, маленькие окошечки два выходили на юг, одно на запад на Засележье, на берег. В одно прекрасное утро летом лежит Дуняха в окошке, чуть не до половины высунулась

в него, так увлеклась песнями. А окна были высоко — метра два с половиной от земли. В это время пошел отца брат, дядя Павел, на берег. Услышав её песни и увидав её в окне, он взял «курик», что колют дрова, и подкрался край самой стенки к окну, где пела Дуняха. Она так увлеклась песнями, что не видела, как дядя Павел подкрался. И вот как он подымет курик над её головой, она со страху как шарахнет назад себя в избу, и с рёвом затряслась на полу. А мать от печи кричит: «Да черт ли тебя, яретика, кинул с окошка-то, верно, нециста сила кинула». Так как дяди она не видела, видела только курик.

/55/ Однажды Михаил поспорил с мужиком из деревни Тережье «в Шуньге», что «Уж не рассказы[ва]й мне о вашей деревне, что там люди живут зажиточно: три водяных мельницы, и мельники все страшные колдуны; и мало того могут людей спортить, «то есть, напустить портеш», могут порченных и вылечить». Правда, славились тережские колдуны, их даже брали на свадьбы, чтоб молодых не испортили. А о порче молодых слухи ходили упорно. Вот, например, молодожен после свадьбы не мог ничего сделать с молодой женой. То были слухи, что князь — молодой — заклокчет, то петухом запоет.

А Михайла говорит: «Брось к черту, я сколько раз зимой на утре подъезжаешь к Тережью, так у вас и петухи-то не так поют; у нас, например, петухи поют: «Ку-ка-ре-ку-у-у», а ваши петухи поют: «Х.й¹ не лю-ди-и-и». Ну, тому мужику крыть было нечем, был у них один петух всего в деревне и тот, действительно, от старости петъ уже разучился, а у него что-то получалось в виде гусяного бормотания: «Удры-удры-удры-у».

В годы 1918-1919 плохо было с табаком, а для курящего это беда, когда нечего курить. Одно время как-то привезли махорку, на кульке окупарки нарисована обезьяна. Написано: курительная махорка «Мартышка». Табак был неважный, да если еще попадет пачка затклый, то курить невозможно. На блевотину воротит как закуриш, даже тошнит, а кое-кого рвёт.

/56/ Однажды сосед Еремеев Семен меня спрашивает: «Егор Никифоровичъ, какой у тебя табак? Дай Христа ради закурить твоего». Я говорю: «У меня «Мартышка»». Тогда он говорит: «А у меня так цетровська облизьяна, совсим немощно курить».

В то время в праздники собирались парни и мужики, и дни на пролёт играли в рюхи. Ставили города пар по 50-60, играли преимущественно в ставку, то есть, кто проиграет, те и собирают рюхи, и ставят обое города. Город делался так: город от города ставился метров шесть-семь, до десяти метров². Ширина города — метров десять. Выбить надо было, чтоб рюхи ушли за город. Длина площади одного города — метров 15. А начинали, чтоб начать игру с черты второго города, то есть, на задней противника, и чтоб хоть одна рюха вышла на выход своего города. Рюхи пилились еловые, толщиной миллиметров³ 30-40. И вот, когда где-то на конце выходов завалится еще в ямку такая рюшка, миллиметров 20 толщиной, а длина их была миллиметров 75, вот и попробуй её выбить за город, попасть в её. Но были хорошие игроки — как палкой ударит по стойкам, так штук 15 летит за город просто стоймя. Ну, а все же штука-две завалится. И так город собьют, а потом оставшиеся лежащие штук по 20 на городе, ту-то и начинается игра. Играют человек пять на стороне, пара на пару, по две палки на брата. Палки переходят с города на город, каждый берет палки своего портнера.

/57/ Однажды, также в воскресенье, где было большое скопище людей на гумне — молодежь с девушками гуляет, пляска, и мужики играли в рюхи. С табакой⁴ было очень плохо: одну

¹ Так в рукописи.

² В рукописи: мет.

³ В рукописи: м/м.

⁴ Так в рукописи.

цыгарку курило по пять-шесть человек, и почему-то было принято, и все знали такой термин разговора. Если один кто-то закурил, то другой, не имеющий закурить, делает заказ курящему, говоря, например, если звать курящего Иван, то тот, кто хочет докурить, говорит: «Иван, 40 «сорок»¹», то Иван уже знает, что просит оставить докурить «чиновника» — окур. Если приходит следующий к Ивану, не зная, что у него уже просили докурить, заказывает Ивану 40, а Иван говорит: «Уже убита». А кто? Ну, скажем, заказал Степан. Тогда второй просящий обращается к Степану, чтоб тот оставил ему уже выпрошенного окурка докурить. Говорит: «Степан, 20». Это значит: остав[ь] докурить своего окурка.

В одно воскресенье погода была хорошая. Людей много. На рюшнике Михаил приходит и говорит: «Ну, мужики, кто хочет заработать осьмушку махорк[и] «табак Маршанский»? Маршанская махорка славилась тогда. Ну, желающих, конечно, нашлось много. И вот Прокопий Ильин и Семен Еромеев: «давай, Михайла, что сделать?» «Спляшите «козлика», и даю по осмушке табаку». А эта пляска козлика заключается в следующем: один ложится, скажем, на дубраву лицом вниз, ложится на брюхо, /58/ расправляет руки и ноги. Не шевелится. Второй, если есть музыка, значит, под музыку начинает плясать вокруг лежащего, а нет музыки, так и сам для себя сыграет на языке. И вот, обходя круг с припляской, ногой дотронется до его ноги, тогда лежащий начинает приподымать ногу. Обходя второй круг, дотронется ногой до руки, и тогда лежащий уже приподымает руку и ногу. С третьим кругом — до второй ноги — и вторая нога заподнимается в такт музыки. И с четвертым — до второй руки, с пятым — до головы, тогда уже у лежащего поднимаются руки, ноги и голова — всё сразу. И с шестым — дотрагивается до заду, и зад начинает тоже в такт подыматься. Словом, весь ходит, как пружинный паук на ниточке. Обойдя седьмой раз, пляшущий падает на лежащего сверху, потом переворачивает лежащего на спину, а у него всё так же движутся всё: руки, ноги, голова и так далее². Ну, тогда ясно, пляшущий падает на него и начинает его обнимат[ь] и так далее³, как свою жену или возлюбленную. На этом и ко[н]чается пляска под общий хохот собравшихся. Ну, что ж, как ни оно и совесно, но по осьмушке табаку заработано.

В те времена молодежи в деревне было много, и ежедневно собирались /59/ вечера. Молодежь танцует, а старики да бабы тоже в избе с прихода. Мужики табак курят, а бабы, что постарше, девок да парней по косточкам перебирают. Как говорят: «Бабы девок тянут сквозь игольные уши». Брат Михаил до старости любил ходить на вечера, а если чуть выпито, ну, тогда удержу нет ему: пляшет, носится, всё надо показать (франчуской вальс). В деревне тогда учительница, лет 25 ей было, Агния Ерасимовна. И вот Михайла подсел к ней и ачемто точит ласы. А Варвара Сысоевна, с ним погодок, годов уже 55, старая дева, его бывшая игральница, сидит с бабами, ну, тут же и девки, и говорит: «Бабы, гляньте-то! Гляньте! Михайла Микифоров у Аецьки, верно, кетратки просит, вот злодий старой». Ну, а под словом (кетратка) надо понимать, «что он просит».

Был в деревне сын Егора Андреева Акатова, Иван, неплохо плясал русского. А когда плясал в присядку, то у него летали кверху руки и ноги сразу. Вот Варвара Сысоевна и говорит «Ванька-то пляшет, как Нестер на варонци!» а Нестер — это такая была игрушка: сделан из лучинок мужик, разрисован то казак, то солдат. Как держиш его за голову, а дернеш снизу за нитку, то у Нестера сразу руки и ноги поднимаются, как будто пошел в пляс.

/60/ Однажды на ловле зимой с Михаилом был интересный случай. Дело было с Крещенья. Ловили мы неводом большим всегда с Егоровыми. Мой отец был всем Егоровским кресный.

¹ Так в рукописи: автор подтверждает цифру словом, заключенным в кавычки.

² В рукописи: и т/д.

³ В рукописи: и т/д.

Да и вообще у него было вся деревня наша и Мелой-губа — всё креснята, даже й мой тесть Евстегней Гавриловичь был его кресник.

Раз, поскольку дело зашло о моем тесте Евстегнее Гавриловиче, надо рассказать, как отец его крестил у Спаса. Дело было в августе, около праздников Спасов день. Отец приезжает к попу к Спасу с матерью новорожденного, пришли в церьков, пономарь приготовил воду в купель. Поп говорит: «Как нарекем ново рожденного?» Отец стал говорить: «Батюшко, на днях было Василию, так назовем его Василием». Но поп был вредный: «А вот сичас посмотрим в святцах». Взял поп святцы, читал-читал, всё такие имена, что и не выговарить: Стратилит, Карп. И вдруг увидел — Евстегней. А отец и мать новорожденного просят, чтоб назвать Василий.

Тогда поп хыкнул: «Хы». Взял у матери из рук ребенка, зажал рукой рот, как сунет в купель на перед головой! и громко пробасил: «Да будет ему имя Евстегней». (Ну, что заведешь против попа.) На этом и кончилось крещение.

/61/ Теперь продолжим про Михаила на ловле. Ловили зимой на тоне Глубокая. Так называют, что вытяжка у островка в Коткушке, тоня большая — семь вынимов. Ловили по три человека¹ на стороне. Впереди идут — пешаю проруби, второй пронаривает наило и третий катает на ворот, то есть тянет невод по дну подо льдом. Пешали брат Михаил и Константин Иван[ов] Егоров. Вот когда выпешали береговую матицу, откололи лёд и пехнули его под берег, очистили матицу от плавающего льда. Лед толстый, вода чистая, вид льда желто-синеватый. И уже к матицы была при[в]едена лошадь с коробом, в который собирают невод. В дровнях с коробом была запряжена кобыла буланая Егоровых. Эта кобыла не так боялась погонялки, как боялась, если на неё махнуть каким-нибудь кафтаном или передником. Только махни чем-нибудь, сразу в скачь побежит куда глаза глядят. Констант[ин] Иванов, глядя в матицу, говорит: «Михайла, смееш ли выкупатся в матице, сороковку поставлю, так и быть!»

Михаил беды рад, и главное за сороковку, она стоила 21 копейку². Моментально в коробе разделся, соскочил с короба на снег и бух в воду. По[то]м как выскочит из воды да к коробу, а кобыла ка[к] увидела, что что-то выскочило из воды, да в бег по снегу в деревню. Михаил голый в след, да так до деревни почти добежал, пока догнал кобылу. /62/ Так он в коробе оделся, а потом еще вытянули невод, собрали, и уже после купанья часа через два приехали домой. Вот как дорого ему досталась эта сороковка.

Литература и электронные ресурсы

1. *Благовещенский И. И.* (сост.) Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / И. И. Благовещенский. — Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907. — 326 с.
2. *Воронина П.* Ремесленное ученичество в Санкт-Петербурге по воспоминаниям Георгия Никифоровича Акатова / П. Воронина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 11. — С. 3046—3050. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/86642.html>.
3. Есть такое место — Уница. Unitsa.ru / All photos [Электронный ресурс] : Мелой Губа — Кокорино. — URL: https://vk.com/album-233336_62047123. — своб. — (05.07.2017).
4. Заонежские Акатовы [Электронный ресурс] // В Контакте. — URL: <https://vk.com/club165380962>.

¹ В рукописи: чел.

² В рукописи: коп.

5. Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии [Электронный ресурс]. — URL: <http://illmik.petrus.ru/illmik/Welcome.html> ; <http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/Welcome.html>.
6. Community photos [Электронный ресурс] : Кокорино (Кокорин остров) — Мелой Губа. — URL: https://vk.com/album-44741316_164483751?act=comments. — своб. — (05.07.2017).

Irina Chernyakova*

Polina Voronina**

*Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations,
Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
Associate Professor of Russian History at the University of Eastern Finland (Joensuu Campus),
Candidate of sciences (PhD) in History

** Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
researcher-volunteer,
Master in History (46.04.10)

THE MEMORIES OF GEORGY AKATOV (part I)

Abstract: Memories of Georgy Nikiforovich Akatov are published with preservation of all features of the spelling of the author's language and style. We believe that this text is unique due to the individuality that is extremely inherent in its author, and that most thanks to its authenticity the text will interest not only linguistic researchers but also, probably, social psychologists. In addition, the author of the memoirs repeatedly emphasizes that he tried to preserve and convey the specifics of the collective mentality of the village community in which he was born and raised, emphasizing all the features of the speech structure of the people surrounding him: relatives and neighbors, and also the inhabitants of the surrounding villages.

The text of the author of memories deserves to be underlined carefully because he is a direct descendant of the same «blind old peasant» from whom Alexander Hilferding recorded the epics in the summer of 1871. This is evidenced by an enthusiastic quote from the publication of the famous collector: «... I begged him to say his stariny, and the old man Iev Eremeev sang an excellent epic about the transformation of Dobrynya under the magical action of our Russian Circe, Marinka». Based on the commentary on the cited quotation on the website of the Genealogical Society of Karelia in which Tatyana Panyukova, great-granddaughter cousin niece of our author, reports that she is the great-great-great-granddaughter of the narrator, we believe that her great-great-great-grandfather and the hero of the set of colourful episodes in the memories of Georgy Akatov — his grandfather Iev Eremeevich Akatov — was the one person (URL: https://vk.com/photo-44741316_290992618).

Key words: Georgy Akatov, memoirs, Kokorin-ostrov, Meloy-guba, Kondopoga, Petrozavodsk, St. Petersburg, handicraft discipleship